

УДК 947.083.5(571.53)(-21)

Иркутск «как зеркало русской революции» 1905 года

Н. Ф. Васильева, А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются события первой русской революции в Иркутске. Проанализировав значительный круг документальных и историографических материалов, авторы приходят к выводу о том, что события 1905 г. в Петербурге и Иркутске носили закономерный характер и стали проявлением неспособности самодержавного государства гибко и своевременно отвечать на вызовы времени.

Ключевые слова: революция, Иркутск, радикальные настроения, демонстрации, стачки.

Первая русская революция, как, впрочем, и вторая, Февральская 1917 г., – закономерный итог социального, экономического и политического развития страны. Казалось бы, для многих специалистов по политической истории России это очевидно. Однако наше время, возможно, тем и замечательно, что совершенно безжалостно ниспровергает авторитеты и все чаще требует доказывать давно доказанное, обосновывать очевидное. Впрочем, это и объяснимо: ушло поколение людей, совершавших эти революции, изменилась страна и идеология, наконец, пришло новое поколение историков, которые, наверное слегка подзабыв о принципах историзма и объективности, неизменно декларируемых в кандидатских и докторских диссертациях, стремятся на основе сегодняшних знаний и современных измов разобраться в революционных событиях начала XX в.

Не пытаясь никого обвинить, посмотрим, каким образом развивалась революционная ситуация в Иркутске, чтобы на примере столицы Восточной Сибири выяснить, был ли октябрь 1905 г. «ошибкой истории», «заговором», «хаосом черни» или результатом собранных воедино противоречий в развитии страны.

Иркутск – далекая окраина России: от Санкт-Петербурга по Сибирскому тракту – почти шесть тысяч верст. Однако, несмотря на большое расстояние, развитие города определялось теми же социально-экономическими процессами, что и страны в целом: Россия из отсталой и аграрной к началу XX в. быстро превращалась в аграрно-индустриальную державу. По объему промышленной продукции она вошла в пятерку крупнейших государств. Наряду с общими закономерностями капиталистического развития в России имелись и свои особенности. Прежде всего, страна перешла к новой экономической формации позднее основных европейских государств и догоняла их по многим показателям. Во-вторых, ее необъятная территория, наличие передового центра и отсталых окраин накладывали на формирование капиталистических отношений особый, неравномерный характер. Несмотря на достижения науки, культуры и технический прогресс, в стране сохранялось «незыблемое» самодержавие, по-

мещицье землевладение, сословное неравенство и политическое бесправие основной части населения – крестьян, ремесленников, рабочих, городских низов.

И Иркутск, шагая в ногу со всей страной, развивался на рубеже столетий так же быстро и динамично. Жизнь Иркутска стремительно менялась. Город с 50-тысячным населением быстро превращался в культурный, торговый и административный центр громадного региона. Здесь складывались новые отрасли производства, развивалась городская инфраструктура, быстро росло число жителей.

Город «жил на широкую ногу», что совсем не исключало существования здесь (как и по всей России) социальных противоречий. Иркутское общество не было и не могло быть однородным, его немалую часть составляли малоимущие слои, которым было недоступно хорошее образование, медицинское обслуживание, социальное страхование, более или менее сносные жилищно-бытовые условия. При этом пролетариат все настойчивее требовал социальной справедливости, равенства возможностей. Противоречия между трудом и капиталом, несколько приглушенные отсутствием в Сибири крепостного права и высоким спросом на рабочие руки, носили и здесь, как и по всей стране, непримиримый, классовый характер. Эта борьба втягивала в «политику» тысячи иркутян, определяла их повседневность без малого на два десятилетия нового века.

Рабочее движение в Иркутске еще с конца прошлого столетия было ощутимой реальностью. Оно было не таким широким и интенсивным, как в центре, но развивалось также по пути увеличения числа участников, усиления организованности и сплоченности. Так, если в 1895 г. в городе не было зарегистрировано классовых протестов, то в 1896 и 1897 гг. отмечено уже по одной забастовке, в 1899 – две, а в 1902, 1903 и 1904 гг. – по пять, а всего за 1896–1904-й – 22 выступления. Здесь были практически все виды протестов: подача прошений, стихийные бунты, стачки, политические забастовки, сходки, митинги, демонстрации [5, с. 207–308].

С начала XX в. в жизни Иркутска становятся заметны свойственные для России в целом два растущих общественно-политических потока – сознательное рабочее движение с одной стороны и крепнувшее социал-демократическое с другой. На примере Иркутска хорошо заметно, как эти два движения вначале живут отдельно, обособленно один от другого и как затем происходит их сближение и слияние. Поначалу социал-демократические кружки существуют в среде, в основном, учащейся молодежи. Как правило, их организаторами и руководителями выступают политические ссыльные. И только потом туда попадают отдельные рабочие, или подготовленная здесь молодежь идет в рабочую среду и налаживает там прочные контакты.

Первые нелегальные кружки появились в Иркутске еще во второй половине 1890-х гг. Однако тяга к нелегальной литературе у молодежи города была заложена еще ссыльными народниками, активно заселявшими Иркутск с 1870-х гг. Эта традиция была подхвачена социал-демократами, начавшими прибывать в город с середины 1890-х гг. Но в отличие от народников, пропагандировавших либеральные идеи среди интеллигенции, эсдеки сосредоточили свое влияние на рабочих, видя в них единственный «революционный класс», способный победить «царизм».

Конспиративные кружки Иркутска оформились в комитет РСДРП летом 1901 г. Комитет развернул широкую агитационную деятельность, масштабы которой поражают своим размахом даже в наше время! Так, в течение 1901–1904 гг. комитетом было выпущено более 60 наименований различных листовок и прокламаций, их совокупный тираж только за 1903 г. составил 32 430 экземпляров [3, л. 6].

За влияние на иркутское общество боролись не только социал-демократы. Вслед за эсдеками в городе стали оформляться и организации социалистов-революционеров. Главные политические задачи эсеров и социал-демократов совпадали – и те, и другие стремились к вооруженному свержению самодержавия и передаче власти Всероссийскому учредительному собранию. Однако авторитет социалистов-революционеров среди иркутского общества был невелик. Только после убийств министров внутренних дел Д. С. Сипягина (1902), В. К. Плеве (1904), великого князя Сергея Александровича (февраль 1905) известность этой организации в стране и в Иркутске заметно возросла.

Как видим, революционное движение в Иркутске в начале XX в., как и по всей стране, стало реальностью. Его питательной средой служило социальное неравенство, низкий жизненный уровень значительной части горожан, оппозиционные настроения местной и ссыльной интеллигенции. Трудно сказать, как долго могли бы прорасти «революционные зерна», если бы не Русско-японская война.

Известие о начале войны вызвало в Иркутске, как и по всей стране, настоящий взрыв патриотических настроений. 2 марта была объявлена мобилизация войскам Сибирского военного округа. В этот день чины иркутского юнкерского пехотного училища отслужили молебен и «возбудили пред начальством ходатайство о разрешении удерживать ежемесячно по два процента из своего содержания на военные расходы правительства впредь до заключения мира». Тут же присутствующими было собрано 60 руб. добровольных пожертвований на нужды Красного Креста. Юнкера, глядя на офицеров, отказались от «праздничного сладкого блюда» и ходатайствовали об обращении его стоимости на лечение раненых. Для помощи воюющей армии 163 уголовных арестанта Александровской центральной каторжной тюрьмы собрали 22 руб. 75 коп. [1].

Казалось бы, война, объявленная царем, накрепко сплотила иркутян. Однако «единение народа» и ура-патриотические демонстрации продолжалось недолго. Уже с первых дней дальневосточной кампании в городе стала ощущаться нехватка продуктов, резко выросли цены. К лету 1905 г. город был похож на огромный лазарет: только в госпиталях военного ведомства и лечебных учреждениях общества Красного Креста размещалось около 10 тыс. больных и раненых, многие из которых нуждались в длительном лечении. Содержание такого значительного контингента требовало от иркутян большого напряжения моральных и физических сил [8, с. 159–167].

Между тем бескорыстное стремление горожан помочь воюющей армии все чаще разбивалось об очевидную неспособность царского правительства вести успешные военные действия. Неудачи на фронте гасили патриотические настроения, заставляли иначе относиться к государству и царю. Перемена в отношении значительной части общества к войне хорошо заметна из резолю-

ции, принятой на социал-демократическом собрании в Иркутске в декабре 1904 г. В ней война России с Японией уже представлена не войной русского народа с народом японским, а «исключительно как результат той авантюристской внешней политики, которую вынуждено вести царское самодержавие в целях своего самосохранения» [6, с. 40–41].

«Предательская» сдача 23 декабря 1904 г. Порт-Артура стала для общества настоящим шоком. Происходит кардинальная смена общественного настроения, война из «героической» быстро превращается в позорную и «ненужную». В обществе начинают преобладать антивоенные настроения, а иркутские социал-демократы и эсеры, ощутив эти перемены, совершенно открыто предлагают солдатам не повиноваться присяге и воинскому долгу.

Последовавшее затем поражение России в войне с Японией – результат глубочайшего системного кризиса самодержавного государства и царствующего дома Романовых. Исходя из этого вывода, и Кровавое воскресенье – расстрел мирной демонстрации петербургских рабочих 9 января 1905 г. – событие не случайное, свидетельствующее о неспособности власти принимать адекватные решения и наладить позитивный диалог с обществом.

Расстрел в Петербурге, а также тяготы войны вызвали настоящий взрыв забастовочного движения. Так, если с 1896 по 1904 г. в Иркутске произошло 7 стачек, то только за одну половину 1905 г. городские рабочие, служащие и учащиеся бастовали 18 раз! Иркутское общество быстро «левело», в оппозиционные протесты втягивались не только рабочие, но и средние городские слои, и в первую очередь молодежь. Нередким явлением в описываемое время стали массовые сходки, митинги и демонстрации, проходившие практически открыто, без оглядки на полицию и местные власти. Традицией стали и первомайские маевки, собиравшие до тысячи горожан.

За коренные демократические перемены в стране выступала и интеллигенция Иркутска. Быть в оппозиции утратившему доверие правительству, открыто высказывать «смелую» критику в его адрес для многих стало не только проявлением активной общественной позиции, социальной зрелости, но и просто своего рода модой.

У оппозиционно настроенной интеллигенции Иркутска было по крайней мере два центра. Левая интеллигенция, стоявшая за революционную смену существующего государственного строя и примыкавшая к социал-демократам и эсерам, по-прежнему группировалась вокруг «Восточного обозрения», руководимого И. И. Поповым, центром же оппозиционной либеральной интеллигенции Иркутска была городская дума. Обязанности гласных здесь по-прежнему выполняли три бывших политических ссыльных – И. И. Концевич, И. И. Попов и Б. П. Шостакович.

С особым воодушевлением иркутские «думцы» восприняли рескрипт Николая II, данный 3 апреля 1905 г. на имя генерал-губернатора графа Кутайсова, в котором самодержец «повелел приступить к разработке вопроса о введении в Сибири земских учреждений». Разработка проекта была поручена И. И. Попову, который планировал вовлечь в «местное самоуправление» самый широкий круг «граждан», предлагал создать две областные законодательные думы: одну – для Западной, другую – для Восточной Сибири [4, с. 201].

Проект И. И. Попова получил горячую поддержку у интеллигенции Иркутска. Напечатанный отдельной книжкой, проект рассылался различным обществам Сибири и наряду с так называемым Томским проектом широко обсуждался в регионе.

Весной 1905 г. либеральная интеллигенция Иркутска под влиянием общероссийского освободительного «Союза союзов» начинает создавать свои профессиональные объединения. К августу в городе уже действовало восемь союзов, которые активно включились в обсуждение манифеста от 6 августа 1905 г. о создании в России представительного законосовещательного органа и «Положения о выборах в Государственную Думу». Большая часть собраний были многочисленными и проходили бурно.

Как видим, в оппозиционное движение в первой половине 1905 г. были вовлечены самые различные слои иркутского общества – от радикально настроенных рабочих и приказчиков, социал-демократов и социалистов-революционеров до либеральной интеллигенции. При этом, существенно расходясь в методах и формах борьбы, горожане дружно требовали немедленной смены (или свержения) самодержавия, установления демократической республики, созыва Всероссийского учредительного собрания.

Осенью 1905 г. центр России бурлил, здесь непрерывно бастовали городские рабочие и служащие, студенты и гимназисты, учителя и полиграфисты. Российское общество требовало настоящего, а не мнимого участия в управлении своей страной. Позорная Русско-японская война многократно обострила противоречия, сделала очевидной полную несостоятельность самодержавного государства управлять огромной империей. В этой ситуации лишь всеобщая политическая забастовка стала единственно возможным средством, способным склонить власть к кардинальным реформам.

Как известно, забастовка началась в Москве 7 октября, а уже 13-го известие о начале стачки было получено в Иркутске. С 16 октября город был в полной власти забастовщиков: не работали все служащие железнодорожных учреждений, вокзала, почтово-телеграфного ведомства, депо, машинисты, а также приказчики, типографщики, шапочники и даже извозчики. Бастовали служащие Сибирского и Китайского банков, адвокаты, инженеры, учителя начальных школ, купцы, служащие Горного управления, семинаристы. Город превратился в один непрерывающийся митинг, на котором тут и там произносились пламенные речи, производились сборы в забастовочный фонд, исполнялись революционные песни. Тысячи людей, не допуская раньше и небольшого сомнения в разумности существующего государственного строя, в одночасье сделались его яркими противниками, требуя коренных политических и экономических перемен.

Руководящим центром забастовки стал объединенный стачечный комитет. В его состав постепенно включались представители самых разных слоев и профессий, социал-демократы, эсеры и либералы, а численность колебалась от 20 до 40 человек. Здесь, к примеру, по данным Иркутского губернского жандармского управления, был слесарь А. Г. Гольдберг, рабочий М. А. Казаков, ремесленник Х. И. Кононов, сын священника В. В. Максаков, служащий в

управлении железной дороги М. Г. Соболев, присяжный поверенный И. С. Фатеев, управляющий делами «купчихи Громовой» С. А. Лянды, инженер, князь Г. Х. Андроников, возглавивший комитет, и т. д. Это было действительно всеобщее представительство иркутского общества [2, л. 155–157].

Объединенный комитет весьма умело координировал действия забастовавших предприятий. По его решению была запрещена продажа вина и огнестрельного оружия, под наблюдением особой продовольственной комиссии, сформированной комитетом, по фиксированной цене производилась торговля продуктами первой необходимости. Каждый день с утра иркутяне большими группами собирались у здания общественного собрания или у дома Кузнеця, обменивались впечатлениями и ждали начала общего митинга. Стремление горожан услышать революционные речи, открыто спеть «Марсельезу», «Дубинушку», пройти в составе многотысячной колонны, ощутив чувство единения и солидарности с забастовщиками, было огромным, новым, притягивающим.

Конечно же, не все иркутяне поддерживали забастовку. В городе уже 16 октября оформилась группа людей, стремившихся любыми средствами прекратить стачку. Это незначительная часть лавочников, дворников, ремесленников и рабочих мелких предприятий. Как правило, все свои беды эти люди связывали с проживавшими в городе евреями. Смысл выступлений черносотенцев заключался в неприятии «всего еврейского», в ориентации на традиционные ценности – монархизм и православие, в отрицании демократических перемен, которые, по их мысли, несли русским интеллигенты, студенты, поляки и евреи.

Несмотря на сравнительно большую еврейскую общину, «еврейского вопроса» в Иркутске не существовало, однако определенные «настроения», обострившиеся по мере снижения материального благополучия населения, возникали. Ходили упорные слухи, что черносотенцами руководят пристав 3-й части города Щеглов и помощник полицеймейстера Драгомиров. При бездействии властей антиеврейские настроения быстро крепились и ширились. Уже 16 октября произошли первые столкновения, были слышны револьверные выстрелы, оказалось несколько раненых. Горожане ждали еврейских погромов, были напуганы и спешили запастись оружием. Власти же выжидали, полиция бездействовала, что послужило падению авторитета губернской и городской администрации.

Утром 17 октября черносотенцы собрались у дома Кузнеця и в 10 часов по команде стали забрасывать здание камнями. Они хватали и избивали всех, кто был в форме железнодорожника или телеграфиста. За одного из избиваемых вступились студенты, братья И. и Я. Виннеры, за что тотчас же были смяты и зверски убиты. Имелись жертвы с той и другой стороны. Толпа, бросившаяся громить оружейный магазин, была встречена револьверными залпами – и здесь оказалось немало раненых. Побоище в центре города прекратилось только с приходом туда солдат [7, с. 234].

В ответ на действия черносотенцев забастовщики стали энергично вооружаться и к полудню сформировали уже несколько боевых дружин. Назначенный на утро 18 октября митинг в городском театре был стачечным комитетом отменен из-за опасений нового нападения, однако весь день происходили небольшие сходки горожан, формировались и вооружались дружины. Центром

сбора дружин стал клуб приказчиков. Губернские и городские власти, опасаясь напрасных жертв и осознавая, что ситуация с мирной забастовкой выходит из-под контроля, приняли решительные контрмеры: весь вечер этого дня, ночь, а также утро следующего в городе производились повальные обыски и аресты активистов рабочего движения.

Всего в эти дни жандармами было арестовано не менее 60 руководителей и активных участников забастовки. Уцелевшие члены стачечных комитетов под угрозой дальнейших арестов, с одной стороны, и черносотенных погромов, с другой, вечером 19 октября поспешили объявить стачку оконченной. На следующий день, 20 октября, в городе заработали извозчики, магазины, банки, типографии, мастерские железной дороги – жизнь входила в обычный порядок.

Однако 21 октября стали распространяться слухи о существовании некоего важного документа, подписанного царем, а 22-го около 12 часов Кутайсову был доставлен из Черемхово, где работал телеграф, циркуляр с текстом Манифеста 17 октября. Всего через час манифест был перепечатан и раздавался всем желающим. Город вновь забурлил и вышел на улицы. Настроение иркутян было восторженным. Повсюду раздавались крики: «Да здравствует конституция!», «Да здравствует свобода!» В 15 часов в общественном собрании под председательством эсдека меньшевика В. Е. Мандельберга начался «первый свободный митинг». Митинг носил характер грандиозного народного праздника: под аккомпанемент духового оркестра были пропеты присутствовавшими революционные песни, под бурные крики и возгласы встречены освобожденные из тюрьмы члены стачечных комитетов.

Но самой массовой формой рабочего движения в этот период стала даже не забастовка, а митинг. «Хроника рабочего движения...» зафиксировала в Иркутске с 13 октября 1905-го по 3 января 1906 г. 33 сходки, митинга, демонстрации, собиравших огромное количество иркутян. Так, в митинге 22 октября 1905 г., организованном иркутскими комитетами РСДРП, ПСР и либеральными профессиональными объединениями, принимало участие от 3 до 6 тыс. чел. На митинге совершенно открыто выступали большевик Н. Н. Баранский, меньшевик В. Е. Мандельберг, социалист-революционер Г. М. Фриденсон, бывший народник С. А. Лянды, после митинга участники прошли к городской тюрьме с требованием освободить политзаключенных.

В период октябрьской политической стачки и после ее завершения, вплоть до введения в городе военного положения, в Иркутске продолжалось оформление всевозможных профессиональных объединений. Их возглавляли не только социал-демократы и социалисты-революционеры, немалая часть союзов создавалась по инициативе и с широким участием либеральной интеллигенции.

«Дни свобод», как видим, выявили небывалый рост общественной активности иркутян. Студенты, рабочие, служащие, мелкие и средние чиновники, в большинстве своем впервые приобщившись к политической жизни, почувствовали свою сопричастность к развитию страны, ощутили способность совместными усилиями влиять на политику государства. При этом иркутское общество было настроено решительно, радикально и требовало коренных преобразований государственного строя – замены монархии демократической республикой, реор-

ганизации избирательной системы, созыва Учредительного собрания. Этой радикализации во многом способствовала и Русско-японская война 1904–1905 гг., окончательно подорвавшая доверие к центральной и местной власти.

Что доказывает приведенный фактический материал? Революционные события ни в Петербурге, ни в Москве, ни в Иркутске не были заговором или случайностью. Первая русская революция стала закономерным итогом «перекосов» социально-экономического и политического развития страны, когда, несмотря на ускоренное развитие некоторых отраслей экономики, государство упорно не желало решать «рабочий» и «крестьянский» вопросы. При этом правящая династия на протяжении десятилетий не хотела делиться властью, не пыталась наладить конструктивного диалога со своим народом. Это привело к тому, что часть наиболее радикально настроенного общества стала вести открытую вооруженную борьбу с самодержавием, другая – либеральным путем пыталась добиться демократических перемен. В этой обстановке революционные потрясения становились неотвратимы. Требовался только катализатор, чтобы превратить экономические выступления, мирные демонстрации и оппозиционные настроения в баррикадные бои и широкомасштабные политические акции. Таким ускорителем стала сначала Русско-японская, а затем и Первая мировая война, приблизившая Февраль 1917 г.

Список литературы

1. Вост. обозрение. – 1904. – 1, 4 февр., 24 июня.
2. ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 16.
3. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 48.
4. Изв. Иркут. гор. думы. – 1905. – Т. 1, № 1–8.
5. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3 т. Т. 1. XVII в. – 1904 г. / под ред. Н. В. Блинова, В. П. Зиновьева. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1988. – 376 с.
6. Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции : сб. док. материалов / сост.: Ф. А. Кудрявцев, З. Т. Тагаров ; под ред. Ф. А. Кудрявцева ; Гос. архив Иркут. обл. – Иркутск : Кн. изд-во, 1955. – 156 с.
7. *Серебренников И.* «Красные дни» в Иркутске / И. Серебренников // История Иркутска XX в. Т. 1. 1900–1920 гг. : хрестоматия / сост. А. Н. Гарашенко, А. А. Иванов. – Иркутск : Отгиск, 2016. – С. 197–234.
8. *Струк Н. К.* Организация помощи больным и раненым в Иркутске в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. / Н. К. Струк // Тр. Иркут. гос. ун-та. – Иркутск, 1971. – Т. 59, вып. 2. – С. 159–167.

Irkutsk “as a Reflector of 1905 Russian Revolution”

N. F. Vasilyeva, A. A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper deals with the events of the first Russian Revolution of 1905 taking place in Irkutsk. Having analyzed a large number of documents and historiographical sources the authors come to a conclusion that the event of 1905 both in St-Petersburg and Irkutsk

were natural consequence of inability of the autocratic government to respond to “the challenges of that time” timely and in a flexible way.

Keywords: revolution, Irkutsk, radical sentiments, demonstrations, strikes.

Васильева Наталья Федоровна

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра политологии, истории и регионо-
ведения, исторический факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)243995
e-mail: vasil.nf@mail.ru*

Vasilyeva Natalya Fyodorovna

*Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of Political
Science, History and Region Studies,
Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952) 243995
e-mail: vasil.nf@mail.ru*

Иванов Александр Александрович

*доктор исторических наук, профессор,
кафедра политологии, истории и регионо-
ведения, исторический факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)343234
e-mail: ottisk@irmail.ru*

Ivanov Aleksandr Aleksandrovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Political Science, History and
Region Studies, Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003 tel.:
8(3952)343234
e-mail: ottisk@irmail.ru*